

Жанры речи. 2025. Т. 20, № 3 (47). С. 290–299

Speech Genres, 2025, vol. 20, no. 3 (47), pp. 290–299

<https://zhanry-rechi.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-290-299>, EDN: PXVBEO

Научная статья

УДК [811.111(73)+811.161.1]'27'38'42

Речевой жанр «отказ» в американской и русской деловой коммуникации в аспекте эмотивной вежливости

Т. В. Ларина[✉], А. В. Литвинова

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Россия, 117198, г. Москва,
ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Ларина Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных
языков филологического факультета, larina-tv@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>

Литвинова Анжела Вячеславовна, ассистент кафедры иностранных языков экономического
факультета, litvinova-av@rydn.ru

Аннотация. Речевой акт «отказ» является нежелательным речевым действием, которое может вызвать отрицательные эмоции у собеседника и в целях сохранения эффективной и бесконфликтной коммуникации требует смягчения. В качестве средств смягчения выступают сопровождающие отказ акты, или прагматические ходы, нацеленные на коммуникативную поддержку адресата и в совокупности образующие речевой жанр. Как и другие речевые акты и жанры, отказ имеет этнокультурные особенности, игнорирование которых может стать причиной социопрагматических неудач в межкультурной коммуникации. Цель исследования – определить основные модели и функционально-стилистические характеристики речевого жанра «отказ» в американской и русской деловой коммуникации и сравнить степень его ориентированности на эмоциональную поддержку адресата в сопоставляемых лингвокультурных контекстах. Материалом послужили 50 аутентичных писем-отказов на запрос о трудоустройстве (25 русских и 25 американских), полученных из различных компаний. Они исследовались количественно и качественно на основе теории речевых актов, теории речевых жанров и теории вежливости. Результаты показали, что американский отказ отличается большей позитивностью, эмотивностью, многословием, ориентированностью на форму и чувства адресата; русский отказ более краткий и информативный, для него в меньшей степени характерна эмотивность и эмоциональная чувствительность. Результаты свидетельствуют о перспективности сопоставительных исследований речевых жанров, в том числе в аспекте эмотивной вежливости.

Ключевые слова: речевой акт, речевой жанр, отказ, деловая коммуникация, эмотивная вежливость, американский вариант английского языка, русский язык

Благодарности: Публикация выполнена в рамках Проекта № 061011-0-000 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Для цитирования: Ларина Т. В., Литвинова А. В. Речевой жанр «отказ» в американской и русской деловой коммуникации в аспекте эмотивной вежливости // *Жанры речи*. 2025. Т. 20, № 3 (47). С. 290–299. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-290-299>, EDN: PXVBEO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The speech genre of refusal in American and Russian business communication in terms of emotive politeness

T. V. Larina[✉], A. V. Litvinova

RUDN University, 6 Miklukho-Maklay St., Moscow 117198, Russia

Tatiana V. Larina, larina-tv@rudn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6167-455X>

Angela V. Litvinova, litvinova-av@rudn.ru

Abstract. The speech act of refusal is an undesirable speech act that can cause negative emotions in the interlocutor and requires mitigation tools in order to maintain effective and conflict-free communication. The mitigation tools are seen as acts or pragmatic moves that accompany refusal to communicatively support the addressee and, taken as a whole, form a speech genre. Like other speech acts and genres, refusal has ethnocultural specificities, which if ignored can lead to sociopragmatic failures in intercultural communication. The aim of the study is to identify the most common models, functional and stylistic characteristics of the speech genre of refusal in American and Russian business communication and to compare the extent of its orientation towards emotional support of the addressee in the compared lingua-cultural contexts. The material consisted of 50 authentic rejection letters to a job application (25 Russian and 25 American) from different companies. They were analysed quantitatively and qualitatively on the basis of speech act theory, speech genre theory and politeness theory. The results showed that the American refusal is characterised by greater positivity, emotionality, verbosity, focus on the form and feelings of the addressee; the Russian refusal is shorter and more informative, it is less characterised by emotionality and emotional sensitivity. The results illustrate the prospect of comparative studies of speech genres with the focus on emotive politeness.

Keywords: speech act, speech genre, refusal, business communication, emotive politeness, American English, Russian language

Acknowledgments: This paper has been supported by the RUDN University Strategic Academic Leadership Program.

For citation: Larina T. V., Litvinova A. V. The speech genre of refusal in American and Russian business communication in terms of emotive politeness. *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 3 (47), pp. 290–299 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-3-47-290-299>, EDN: PXVBEO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Важной проблемой, объединяющей дискурс-анализ и теорию речевых жанров, является структурирование и параметризация речевого общения, «поиск базовых моделей данного структурирования, организующих как порождение речи, так и ее интерпретацию» [1]. В типичных коммуникативных ситуациях, согласно М. М. Бахтину, речь отливается в готовые формы речевых жанров, которые «даны нам почти так же, как родной язык» [2: 181]. Речевые жанры, в его понимании, это «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [3: 255]. Поскольку речевые жанры являются единицами дискурса, их композиционные и стилистические особенности формируются под влиянием контекста. В этой связи сопоставительные исследования речевых жанров в различных социокультурных контекстах представляют особый интерес, так как они способны проследить системообразующие связи между социокультурными параметрами контекста и дискурсивными практиками, выявить механизмы их взаимодействия, определить этнокультурные особенности речевых жанров в разных коммуникативных культурах.

В данном исследовании выделяются наиболее типичные модели отказа в американском и русском контексте. Отказ рассматривается как речевой жанр, состоящий из самого речевого акта «отказ» и сопровождающих его поддерживающих прагматических ходов.

Отказ относится к нежелаемым речевым актам, которые могут нанести урон социальному имиджу собеседника, вызвать отрицательные эмоции у адресата и оказать деструктивное влияние на дальнейшие отношения. Именно поэтому для сохранения эффективной и бесконфликтной коммуникации при выражении отказа требуются особые усилия, нацеленные на смягчение его иллокутивной силы и оказание коммуникативной поддержки адресату, которая осуществляется через сопутствующие акты (благодарность, сожаление, позитивную оценку, комплимент и др.), которые в совокупности образуют речевой жанр.

Как и другие речевые акты и жанры [4], отказ имеет этнокультурные особенности [5–8 и др.], игнорирование которых может стать причиной социопрагматических неудач в различных сферах межкультурной коммуникации – межличностной, академической, деловой и др.

В данной статье мы рассматриваем речевой жанр «отказ» в деловой коммуникации в американском и русском контекстах на материале аутентичных писем-отказов на запрос о трудоустройстве, написанных сотрудниками различных компаний. Цель исследования – определить основные модели и функционально-стилистические характеристики речевого жанра «отказ» в американской и русской деловой коммуникации и сравнить степень его ориентированности на эмоциональную поддержку адресата в сопоставляемых лингвокультурных контекстах. В центре внимания – способы

выражения отказа (прямой vs косвенный), сопутствующие акты, или поддерживающие прагматические ходы (их количество и комбинация), модели отказа, их ориентированность на эмоции адресата.

Речевой акт, речевой жанр и стратегии вежливости

Проблема разграничения речевого акта (РА) и речевого жанра (РЖ) обсуждается на протяжении нескольких десятилетий и продолжает оставаться актуальной. Некоторые ученые [9–12 и др.] считают теорию речевых актов М. М. Бахтина [2] аналогом западной теории речевых актов [13], поскольку и та, и другая рассматривают речевые действия, совершаемые собеседниками в процессе речи. Проводя параллель между речевыми жанрами и речевыми актами, М. Ю. Федосюк отмечает, что коммуникативные намерения говорящего, которые М. М. Бахтин называл его речевым замыслом, в теории речевых актов именуется иллокутивной силой высказывания [11]. Но далее исследователь решает все же разграничить данные теории и признает, что «существенное достоинство теории речевых актов состоит в детальной разработанности ее терминологии, чем, к сожалению, не может похвастаться теория речевых жанров» [11: 105]. В данной работе мы не ставим целью углубляться в теоретические рассуждения, касающиеся данных подходов, а используем их в практических целях для описания и систематизации действий говорящего, совершаемых при выражении отказа.

Проблема классификации РЖ также остается на данный момент не решенной. Исследователями предпринимаются попытки не ограничиваться описанием конкретных жанров, а перейти к выявлению системных отношений между ними. Тем не менее, считается, что до сих пор не существует единой общепринятой типологии РЖ, хотя попытки их систематизации предпринимаются [11, 14–17 и др.].

М. М. Бахтин различал первичные (простые) и вторичные (сложные) РЖ, обращая особое внимание на то, что это не функциональное различие. К первичным РЖ он относил высказывания, а к вторичным – более сложные образования: научные исследования, романы, публицистические жанры и др. Он отмечал, что вторичные РЖ «возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного): художественного, научного, общественно-политического и т. п. В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые)

жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения» [2].

Вместо терминов *простые (первичные)* и *сложные (вторичные)* РЖ, используются также термины *элементарные* и *комплексные* РЖ [11]. Под элементарными понимаются такие тексты, которые не могут быть разделены на другие РЖ (благодарность, просьба или приветствие); под комплексными – типы текстов, состоящих из компонентов, которые отличаются относительной завершенностью и представляют собой текст определенного жанра, они могут быть как монологическими (утешение, убеждение, уговор), так и диалогическими (беседа, дискуссия, спор, ссора) [11].

Однако, как показал ряд исследований [18–19 и др.], выражение многих коммуникативных намерений говорящего, например, приглашения, прощания, просьбы и др., не ограничивается одним актом, а представляет собой комплексную структуру, состоящую из нескольких речевых действий. В нее входят основной, или базовый, иллокутивный акт (*head act*) и сопровождающие его прагматические ходы, нацеленные на оказание коммуникативной, в том числе и эмоциональной, поддержки адресату, которые в литературе по прагматике называются *поддерживающими* прагматическими ходами (*supportive moves*) [18, 20, 21 и др.].

Следовательно, если рассматривать, как говорящий выражает то или иное коммуникативное намерение на уровне не отдельного высказывания, а дискурса, то в орбиту исследования попадают как основной РА, так и поддерживающие его акты, которые в совокупности образуют речевой жанр. Данный подход согласуется с мнением исследователей о том, что речевой жанр – «это более развернутое и сложное речевое построение, состоящее из нескольких речевых актов» [10: 58–59], в связи с чем РЖ «отказ» рассматривается как «крупный коммуникативный феномен, в котором можно выявить более конкретные речевые явления» [22: 261].

Таким образом, отказ, который является объектом данного исследования, можно рассматривать и как РА, если ограничиваться базовой речевой формулой его выражения, и как РЖ, если рассматривать его в совокупности с теми речевыми действиями, которые его сопровождают в дискурсе. Поскольку в последнем случае, несмотря на многокомпонентность структуры, отказ выступает как единое коммуникативное целое, обладающее завершенностью, считаем отказ первичным, но в то же время комплексным (многокомпонентным) РЖ (в отличие от беседы, спора и др.).

Поскольку РА «отказ» является в терминологии зарубежных исследователей *угрожаю-*

щим лицу речевым актом (Face Threatening Act), или *лицеугрожающим*¹ актом [19], его следует рассматривать в контексте теории вежливости, которая позволяет проследить, какие стратегии используются для смягчения угрозы данного действия как лицу адресата, так и адресанта. Более того, поскольку отказ, являясь нежелательным действием, вызывает, как правило, отрицательные эмоции у адресата, его целесообразно рассматривать в рамках *эмотивной вежливости*, которая определяется как «эмоциональная/эмотивная чувствительность, ориентированность на чувства других, этичность в проявлении собственных чувств и эмоций, оказание коммуникативной поддержки собеседнику» [19, 23: 41]. Речь идет об эмоциональной/эмотивной поддержке адресата с целью вызвать у него позитивные эмоции и/или смягчить негативное воздействие лицеугрожающего акта. Эмотивная вежливость пересекается с «позитивными формами общения» [24] и «позитивной коммуникацией» [25–26 и др.] и согласуется с идеей Дж. Лича о необходимости ставить эмоции собеседника выше собственных [27: 91, 28: 18].

В нашем случае поддерживающие прагматические ходы (благодарность, извинение, сожаление, позитивная оценка и др.), которые сопровождают базовый РА, являются инструментами смягчения отказа; их можно назвать стратегиями эмотивной вежливости, нацеленными на эмотивную поддержку адресата и снижение его эмоционального дискомфорта. Применительно к данному РЖ их можно сформулировать, например, в следующем виде: чтобы Ваш отказ не оказал сильного отрицательного воздействия на эмоциональное состояние адресата, используйте следующие стратегии эмотивной вежливости: избегайте прямого выражения отказа, благодарите адресата, выражайте сожаление, объясняйте причину отказа, позитивно оценивайте качества адресата и т. д.

В данном исследовании мы стремились сопоставить степень ориентированности отказа на эмоциональную поддержку адресата в американской и русской деловой коммуникации через выявление его основных структурных моделей и их функционально-стилистических характеристик.

Материал и методология исследования

Материалом нашего исследования явился корпус деловых писем, состоящий из 50 аутентичных писем-отказов (25 русских и 25 амери-

канских), полученных из различных компаний на запрос о трудоустройстве.

При анализе материала в фокусе нашего внимания были следующие параметры:

- 1) способ выражения отказа – прямой vs косвенный;
- 2) семантика поддерживающих прагматических ходов и их частотность;
- 3) модели отказа – количество совершаемых поддерживающих ходов и их наиболее частотные комбинации;
- 4) стилистические характеристики РЖ «отказ» в сопоставляемых лингвокультурных контекстах.

Способ выражения отказа: прямой vs косвенный

К категории *прямой отказ* мы относили однозначные отказы, выраженные с использованием глаголов с семантикой отказа (*reject, decline* – *отказать, отклонить*) и/или содержащие отрицательные частицы *not, no* – *не, нет (cannot, are not able* – *не можем, нет возможности...*). Отказ, который не содержал данных языковых средств, а выражался уклончиво, например, при помощи переноса внимания на третьих лиц, неуверенности в возможности удовлетворить заявку, мы относили к косвенным.

Анализ показал, что в обоих корпусах преобладал прямой отказ. Тем не менее количество прямых отказов в американском материале уступает русским (см. рис. 1). При этом американские письма не содержали глаголов с семантикой отказа, а фраза с отрицанием в обязательном порядке сопровождалась благодарностью или объяснением причины:

- (1) *We appreciate your interest in the position of product manager. This letter is to let you know that you **were not** selected for the position.*

[Мы ценим ваш интерес к должности менеджера по продукции. Это письмо сообщает вам, что вы не были выбраны на эту должность]².

При этом 32% отказов были выражены косвенно через перенос акцента на третьих лиц:

- (2) *We have chosen to proceed with **another candidate**.*

[Мы выбрали другого кандидата].

В русском материале, хотя и незначительно, глаголы с семантикой отказа встречались (12%):

- (3) *К сожалению, конкурсная комиссия приняла решение **отказать** Вам в допуске*

¹Мы целенаправленно используем термин *лицеугрожающий*, а не *ликоугрожающий*, поскольку речь идет о лице как о социальном имидже, которое можно сохранить или потерять, а не о лице, имеющем иное значение [19].

²Здесь и далее дается буквальный перевод с целью более точно передать тональность письма.

к заключительному этапу отбора на данную вакансию.

Отрицательная частица не встретила в 76% отказов:

(4) Мы **не** готовы пригласить вас на дальнейшее интервью.

И только 12% отказов были косвенными:

(5) К сожалению, мы все-таки решили остановиться на другом кандидате.

Таким образом, тенденция к прямому отказу преобладала в русском материале.

Поддерживающие прагматические ходы

В ходе анализа нами были выделены следующие прагматические ходы, которые сопровождали отказ в обоих корпусах: благодарность, обоснование причины отказа, сожаление, благопожелание, позитивная оценка, подбадривание и некоторые другие. Однако анализ их частотности и конвенциональности выявил ряд существенных различий, как количественных, так и качественных (таблица).

Поддерживающие ходы, сопровождающие отказ в американском и русском корпусах

Supportive Moves Accompanying Refusals in American and Russian Corpora

Прагматические / поддерживающие ходы, сопровождающие отказ	Корпус, %	
	Американский	Русский
Сожаление	60	80
Благодарность	100	68
Обоснование причины отказа	72	48
Подбадривание	48	32
Благопожелание	68	24
Позитивная оценка:	80	20
Эмоциональная реакция	29	20
Оценочные суждения	51	0

В американском корпусе наиболее конвенциональным сопровождающим отказ ходом оказалась благодарность, которая встретила во всех письмах без исключения (100%). Более того, было замечено, что благодарность может присутствовать в письме-отказе дважды или трижды – как в начале, так и в конце. В 54% американских писем благодарность встречалась два и более раз, тем самым усиливая положительную эмоциональную тональность письма:

(6) *Thank you for the application to the [company name]. We appreciate the effort you made during the process*

[Благодарим вас за обращение [название компании]. Мы ценим усилия, которые вы приложили в процессе...]

За благодарностью по степени частотности следует позитивная оценка (80%), которая встречалась более двух раз в 44% писем. Это была как оценка через эмоциональную реакцию говорящего (29%) (пример 7), так и оценочные суждения о качествах и умениях адресата (51%) (пример 8), т. е. то, что в таксономии оценочной теории Дж. Мартина и П.Уайта [29] называется терминами *affect* и *judgement* соответственно.

(7) *We were impressed with your skill set.*

[Мы были впечатлены вашим набором навыков].

(8) *After the interview, we both felt that you were a strong, appointable candidate.*

[После собеседования мы оба решили, что вы сильный и подходящий кандидат].

Третьим по частотности ходом явилось обоснование причины отказа (72%):

(9) *We had two other candidates who were equally strong, with slightly better communication skills and unfortunately, we did not have a third vacancy to offer.*

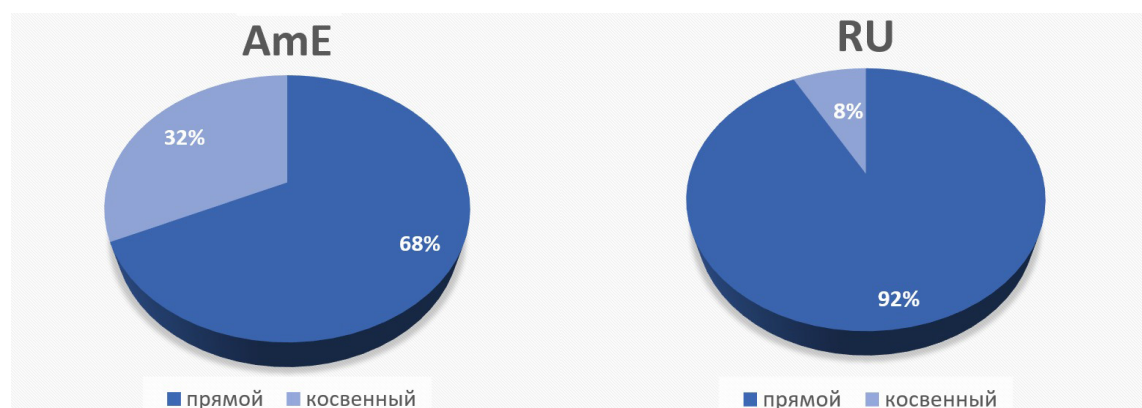

Рис. 1. Способы выражения отказа в американском и русском корпусе

Fig. 1. Ways of Expressing Refusals in American and Russian Corpora

[У нас было еще два таких же сильных кандидата с чуть лучшими коммуникативными навыками, и, к сожалению, у нас не было третьей вакансии, которую мы могли бы предложить].

Среди других прагматических ходов, которые превысили 50% употреблений, оказались благопожелание (68%) и сожаление (60%). Благопожелание зачастую употреблялось вместе с благодарностью:

- (10) *We appreciate your interest in SKIMS and wish you success in your job search.*

Сожаление выражалось через перформативный глагол *regret* (сожалеть) и словосочетание *to be sorry*, представляя собой самостоятельное высказывание:

- (11) *We regret to inform you that we will not be pursuing your candidacy.*

[С сожалением сообщаем вам, что мы не будем рассматривать вашу кандидатуру].

- (12) *I am sorry for the disappointing news.*

[Сожалею о неприятной новости].

Также сожаление выражалось через наречие *unfortunately*:

- (13) *Unfortunately, you are not the right fit for the position at this time.*

[К сожалению, в данный момент вы не подходите на эту должность].

Подбадривание адресата осуществлялось через перформативный глагол *encourage* «подбодрить, вдохновить» (14), а также через выражение уверенности в последующем успехе адресата (15):

- (14) *We encourage you to reapply should another position become available which you are interested in.*

[Мы настоятельно рекомендуем вам подать повторное заявление, если появится другая вакансия, которая вас заинтересует].

- (15) *Based on your application and interview, we have no doubt that you will have success in your future applications.*

[Основываясь на вашем заявлении и собеседовании, мы не сомневаемся, что в дальнейшем вы добьетесь успеха].

Встречались также и косвенные случаи подбадривания, как, например, в ранее приведенном примере (9), где отмечалось, что кандидат, которому отдали предпочтение, по качествам и умениям лишь незначительно опережал адресата.

Все эти высказывания, включая благодарность, мы рассматриваем в данном исследовании как поддерживающие ходы («supportive moves») [18, 20, 21 и др.] и маркеры/знаки/проявления эмотивной вежливости [19, 23, 30–31].

В русском корпусе ни один из сопровождающих ходов не составил 100%. Среди

наиболее частотных были выделены сожаление (80%), благодарность (68%) и обоснование причины отказа (48%). Частотность других поддерживающих ходов оказалась ниже 50%: подбадривание (32%), благопожелание (24%), позитивная оценка (20%), что значительно уступает востребованности данных актов в американском контексте.

Следует также отметить, что сожаление во всех русских письмах, в отличие от американских, было выражено через словосочетание *к сожалению*, которое является маркером эмотивной вежливости, но не речевым актом сожаления как таковым:

- (16) *К сожалению, в настоящий момент мы не готовы пригласить Вас на дальнейшее интервью по этой вакансии.*

Благодарность, хотя и относится в русском контексте к наиболее частотным прагматическим ходам, употреблялась значительно реже (68%) и, в отличие от американских писем, как правило, не дублировалась:

- (17) *Спасибо Вам большое за участие в конкурсе на вакансию.*

Как уже было отмечено, РА, нацеленные на оказание коммуникативной поддержки адресату, оказались ниже 50%.

Модели отказа

На основе результатов проведенного анализа нами были выделены наиболее частотные модели отказа в сопоставляемых корпусах. Количественный анализ показал, что отказ, состоящий только из одного хода, т. е. исключительно самого отказа, не встречался ни в американском, ни в русском материале, он всегда сопровождался другими актами/ходами. В американском материале не было также двух- и трехкомпонентных моделей, отказ состоял из 4, 5, 6, 7 и даже 8 прагматических ходов. Наиболее частотными оказались модели из 6 (пример 18) и 7 (пример 19) компонентов:

- благодарность + позитивная оценка + позитивная оценка + косвенный отказ + благодарность + благопожелание:

- (18) *I want to extend my gratitude for the time that you invested in our interview process. Our team enjoyed the opportunity to get to know you better. We were impressed with many of your qualifications; however, after further discussion and consideration, we have decided that your areas of expertise are not aligned with our current need. Thank you again for the time that you spent with our team. We wish you the best of luck in your job search.*

[Хочу выразить Вам благодарность за время, которое вы уделили нашему процессу]

собеседования. Наша команда получила удовольствие от возможности узнать Вас получше. Мы были впечатлены многими Вашими профессиональными качествами, однако после дальнейшего обсуждения и рассмотрения мы решили, что Ваши знания и опыт не соответствуют нашим текущим потребностям. Еще раз благодарим Вас за время, проведенное с нашей командой. Желаем Вам удачи в поиске работы];

- благодарность + благодарность + позитивная оценка + косвенный отказ + объяснение + благодарность + благопожелание:

(19) *Thank you so much for your interest in the Sales Manager position with [company name]. We appreciate you taking the time to visit our offices and interview with our team. While we were impressed with your skill set, we have chosen to proceed with another candidate who has more leadership experience. Again, we appreciate your time, and we wish you the best of luck in your career endeavors.*

[Большое спасибо за интерес к вакансии менеджера по продажам в [название компании]. Мы ценим то, что Вы нашли время посетить наш офис и провести собеседование с нашей командой. Несмотря на то, что мы были впечатлены набором Ваших умений, мы предпочли выбрать другого кандидата, имеющего больший опыт руководящей работы. Еще раз благодарим Вас за уделенное время и желаем удачи в карьере].

Остальные модели были менее частотными: при помощи четырех- и пятикомпонентных моделей отказ был выражен в 12% писем, при помощи 8 компонентов – в 20%.

В русском корпусе ситуация несколько иная. Отказы русских не столь многословны. Наиболее частотной (40%) оказалась модель, состоящая из четырех компонентов, которая включала:

- благодарность + сожаление + отказ + объяснение причины.

(20) *Большое спасибо за интерес, проявленный к открытой вакансии «store management trainee». К сожалению, в настоящий момент мы не готовы пригласить Вас на дальнейшее интервью по этой вакансии, так как основными требованиями являются оконченное высшее образование.*

4% русских ограничились всего двумя ходами – самым отказом и благодарностью, чего не встречалось в американском корпусе:

(21) *Спасибо за интерес, проявленный к вакансии, но мы уже не рассматриваем новых кандидатов.*

20% русских отказов состояли из трехкомпонентной модели, которая также не встречалась у американцев. Чаще всего это были

- благодарность + сожаление + прямой отказ.

(22) *Благодарим Вас за интерес к вакансии, но, к сожалению, начальство отклонило Вашу кандидатуру на данную должность.*

Отказ из пяти компонентов встретился всего в 20% случаев, из шести – в 12% и из семи – в 4%. Отказ, состоящий из восьми компонентов, в русском корпусе замечен не был. Напомним, что в американском корпусе модели из шести и семи компонентов были самыми многочисленными (рис. 2).

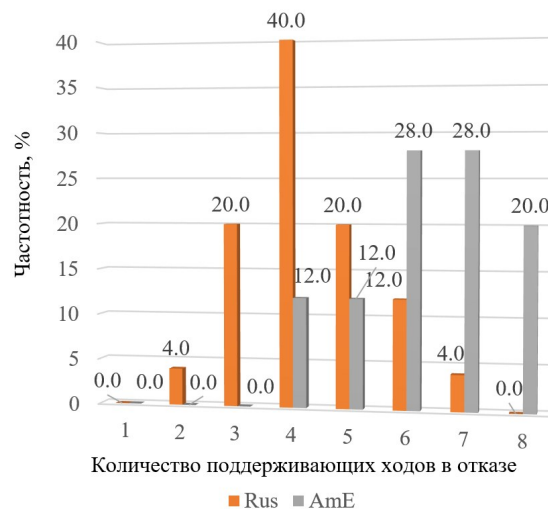

Рис. 2. Количество компонентов в русском и американском отказе

Fig. 2. Quantity of components in Russian and American refusal

Дискуссия

Сопоставительный анализ РЖ «отказ» в американской и русской деловой коммуникации выявил как сходства, так и различия, которые касаются количественных и качественных характеристик. Он показал, что тенденция к косвенности значительно преобладает у американцев. При этом и в американском, и в русском корпусе отказ не ограничивается базовым речевым актом, а сопровождается дополнительными актами/ходами, которые выступают в функции смягчения. Хотя их семантика совпадает, в функциональном плане выявлены существенные различия.

В американских письмах прагматические ходы, нацеленные на смягчение отказа, встречаются более часто и регулярно, чем в русских, что свидетельствует о их большей востребованности. Отказ сопровождается значительным количеством поддерживающих ходов и является длиннее. Более того, если

в русских письмах на первом месте – сожаление, благодарность, обоснование отказа, то в американских к ним прибавляются благопожелание, позитивная оценка и подбадривание, что свидетельствует о различиях в целевой установке авторов письма и сказывается на его стилистических особенностях. Результаты свидетельствуют о том, что американцы в большей степени ориентированы на форму отказа и сохранение лица как своего, так и собеседника; русские больше нацелены на информативность и сохранение своего лица. Данная особенность была выявлена ранее при сопоставлении американского и русского отказа на приглашение в повседневной межличностной коммуникации [7], что позволяет говорить о ее регулярном характере.

Более того, в нашем американском материале мы обратили внимание на позитивное обрамление базового РА «отказ», что было замечено при сопоставлении жанра английской и русской рецензии на научную статью [30, 31]. Отказу, как правило, предшествует благодарность, сопровождаемая позитивной оценкой, а за отказом следует повторная благодарность часто в сочетании с благопожеланием и подбадриванием, что не столь характерно для русского отказа. Данный факт, как и то, что в американских письмах в целом значительно чаще, чем в русских, используются позитивная оценка, благопожелание, подбадривание, свидетельствует о большей ориентированности американцев на чувства адресата, на сохранение его позитивного лица и в итоге – на эмотивную вежливость [23, 31] и позитивную коммуникацию [25, 26]. Таким образом, они более регулярно используют общую стратегию вежливости Дж. Лича, предписывающую ставить интересы и чувства адресата выше собственных [27, 28].

Заключение

Как показали результаты, и в американском, и русском корпусе отказ не ограничивается базовым РА, а сопровождается дополнительными прагматическими ходами. Данный факт позволяет рассматривать отказ не только как РА, но и как РЖ, представляющий собой более значительный фрагмент дискурса и включающий как базовый, так и сопутствующие акты, которые выполняют функцию смягчения и являются поддерживающими ходами.

При сходстве семантики их функционирование существенно различается, что сказывается на тональности письма-отказа и его функционально-стилистических характеристиках. Американское письмо в большей степени отличается позитивностью, демонстративной приветливостью, эмотивностью, многословием, ориентированностью на форму и на чувства адресата. Русское письмо более краткое, информативное, для него в меньшей степени характерна эмотивность и эмоциональная чувствительность. Таким образом, несмотря на то что в силу ориентации на западную корпоративную культуру наблюдается некоторая унификация деловой коммуникации, русское деловое письмо по-прежнему сохраняет основные черты русского стиля коммуникации.

Результаты подтверждают системный характер дискурсивных различий, которые можно описать через этнокультурные стили, и их обусловленность социокультурным контекстом. Они также свидетельствуют о перспективности исследований в области эмотивной вежливости в различных дискурсах и жанрах речи и о преимуществах междисциплинарного подхода, включающего, помимо лингвистических, психолингвистические, социокультурные, аксиологические и иные аспекты коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Dementyev V. V. Speech Genres and Discourse: Genres Study in Discourse Analysis Paradigm // Russian Journal of Linguistics. 2016. Vol. 20, № 4. P. 103–121. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-15151>
2. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч. М. : Русские словари, 1996. Т. 5: Работы 1940–1960 гг. С. 159–206.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Наука, 1986. 316 с.
4. Wierzbicka A. Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. 2nd ed. Berlin : Mouton de Gruyter, 2003. 502 p.
5. Deveci T., Midraj J. “Can we take a picture with you?” The realization of the refusal speech act with tourists by Emirati speakers // Russian Journal of Linguistics. 2021.

Vol. 25, № 1. P. 68–88. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-68-88>

6. Kordestanchi B., Sarkhosh M., Moafian F. The gentle craft of saying “No” in Persian and English : A cross-cultural and cross-linguistic slant // Russian Journal of Linguistics. 2023. Vol. 27, № 3. P. 592–614. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-31702>
7. Litvinova A., Larina T. Mitigation tools and politeness strategies in invitation refusals: American and Russian communicative cultures // Training, Language and Culture. 2023. Vol. 7, № 1. P. 116–130. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2023-7-1-116-130>
8. Malyuga E. N., McCarthy M. “No” and “net” as response tokens in English and Russian business discourse: In search of a functional equivalence // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25, № 2. P. 391–416. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-391-416>

9. Везжицкая А. Речевые жанры // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 1. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 99–111.
10. Кожина М. Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 2. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. С. 52–61.
11. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.
12. Шмелёва Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. Вып. 1. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88–98.
13. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М. : Прогресс, 1986. С. 22–130.
14. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. 2010. М. : Знак, 596 с.
15. Дементьев В. В. Статья по жанрам речи в журнале «Жанры речи» как ... жанр речи? // Жанры речи. 2021. № 1 (29). С. 12–33. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-12-33>
16. Дементьев В. В. Нужно ли в жанроведении понятие жанросферы? // Жанры речи. 2025. Т. 20, № 1 (45). С. 24–33. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-24-33>, EDN: HVEQDR
17. Стеклова Т. И. Речевые жанры негативной реакции // Жанры речи. 2023. Т. 18, вып. 3 (39). С. 219–228. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-219-228>, EDN: JETSK
18. Blum-Kulka S., House J., Kasper G. Cross-cultural and situational variation in requesting behaviour // Cross-Cultural Pragmatics: Requests and Apologies / Blum-Kulka S., House J., Kasper G., eds. Norwood, NJ : Ablex PC, 1989. P. 1–37..
19. Ларина Т. В. Эмотивная вежливость в лицеугрожающих речевых актах: кросс-культурный аспект // Слово.ру: Балтийский акцент. 2025. Т. 16, № 2. С. 118–135. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2025-2-7>
20. House J., Kádár D. Cross-Cultural Pragmatics. Cambridge, CUP, 2021. 268 p.
21. Ogiermann E. Politeness and in-directness across cultures: A comparison of English, German, Polish and Russian requests // Journal of Politeness Research. 2009. Vol. 5, № 29. P. 189–216.
22. Данилов С. Ю. Принципиальный отказ в ключе откровенности // Жанры речи. 2018. № 4 (20). С. 261–269. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-261-269>
23. Ларина Т. В. Эмотивная экологичность и эмотивная вежливость в жанре английской и русской анонимной рецензии // Вопросы психолингвистики. 2019. Vol. 1, № 39. С. 38–57. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57>
24. Ионова С. В. Эмоциональные эффекты позитивной формы общения // Russian Journal of Linguistics. 2015. № 1. С. 20–30.
25. Леонтович О. А. Позитивная коммуникация: постановка проблемы // Russian Journal of Linguistics. 2015. № 1. С. 164–177
26. Леонтович О. А., Гуляева М. А., Лунёва О. В., Соколова М. С. Позитивная коммуникация. М. : Гнозис, 2020. 296 с.
27. Leech G. The Pragmatics of Politeness. Oxford, OUP, 2014. 368 p.
28. Leech G., Larina T. Politeness: West and East // Russian Journal of Linguistics. 2014. № 4. P. 9–34.
29. Martin J. R., White P. R. R. The Language of Evaluation: Appraisal in English. Palgrave, 2005. 278 p.
30. Larina T., Ponton D. M. Tact or frankness in English and Russian blind peer reviews // Intercultural Pragmatics. 2020. Vol. 17, № 4. P. 471–496. <https://doi.org/10.1515/ip-2020-4004>
31. Larina T., Ponton D. M. I wanted to honour your journal, and you spat in my face: Emotive (im)politeness and face in the English and Russian blind peer review // Journal of Politeness Research. 2022. Vol. 18, № 1. P. 201–226. <https://doi.org/10.1515/pr-2019-0035>

REFERENCES

1. Dementyev V. V. Speech genres and discourse: Genres study in discourse analysis paradigm. *Russian Journal of Linguistics*, 2016, vol. 20, no. 4, pp. 103–121. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-15151>
2. Bakhtin M. M. The problem of speech genres In: *Bakhtin M. M. Collected Works*. Moscow, Russkiye slovari, 1996, vol. 5: Works 1940–1960, pp. 159–206 (in Russian).
3. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Nauka, 1986. 316 p. (in Russian).
4. Wierzbicka A. *Cross-cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction*. 2nd ed. Berlin, Mouton de Gruyter, 2003. 502 p.
5. Deveci T., Midraj J. “Can we take a picture with you?” The realization of the refusal speech act with tourists by Emirati speakers. *Russian Journal of Linguistics*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 68–88. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-68-88>
6. Kordestanchi B., Sarkhosh M., Moafian F. The gentle craft of saying “No” in Persian and English: A cross-cultural and cross-linguistic slant. *Russian Journal of Linguistics*, 2023, vol. 27, no. 3, pp. 592–614. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-31702>
7. Litvinova A., Larina T. Mitigation tools and politeness strategies in invitation refusals: American and Russian communicative cultures. *Training, Language and Culture*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 116–130. <https://doi.org/10.22363/2521-442X-2023-7-1-116-130>
8. Malyuga E. N., McCarthy M. “No” and “net” as response tokens in English and Russian business discourse: In search of a functional equivalence. *Russian Journal of Linguistics*, 2021, vol. 25, no. 2, pp. 391–416. <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-2-391-416>
9. Wierzbicka A. Speech genres. *Zhanyri rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 99–111. (in Russian).
10. Kozhina M. N. Speech genre and speech act (some aspects of the problem). *Zhanyri rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1999, iss. 2, pp. 52–61 (in Russian).
11. Fedosyuk M. Y. Unresolved issues of the theory of speech genres. *Voprosy Jazykoznanija*, 1997, no. 5, pp. 102–120 (in Russian).
12. Shmeleva T. V. Model of speech genre. *Zhanyri rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: Coll. of sci. arts]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).

13. Austin J. Word as action. In: *Novoye v zarubezhnoy lingvistike* [The New in foreign linguistics], iss. XVII. Moscow, Progress, 1986, pp. 22–130 (in Russian).
14. Dementyev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak, 2010. 596 p. (in Russian).
15. Dementyev V. V. An article on speech genres in the “Speech genres” journal as ... a speech genre? *Speech Genres*, 2021, no. 1 (29), pp. 12–33. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2021-1-29-12-33> (in Russian).
16. Dementyev V. V. Do genre studies need the concept of genre sphere? *Speech Genres*, 2025, vol. 20, no. 1 (45), pp. 24–33. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2025-20-1-45-24-33>, EDN: HVEQDR
17. Steksova T. I. Speech genres of negative reaction. *Speech Genres*, 2023, vol. 18, no. 3 (39), pp. 219–228 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2023-18-3-39-219-228>, EDN: JETSCK
18. Blum-Kulka S., House J., Kasper G. Cross-cultural and situational variation in requesting behaviour. In: Blum-Kulka S., House J., Kasper G., eds. *Cross-Cultural Pragmatics: Requests and Apologies*, Norwood, NJ, Ablex PC, 1989, pp. 1–37.
19. Larina, T. V. Emotive politeness in face-threatening speech acts: Cross-cultural perspectives, *Slovo.ru: Baltic accent*, vol. 16, no. 2, pp. 118–135. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2025-2-7> (in Russian).
20. House J., Kádár D+. *Cross-Cultural Pragmatics*. Cambridge, CUP, 2021. 268 p.
21. Ogiermann E. Politeness and in-directness across cultures: A comparison of English, German, Polish and Russian requests. *Journal of Politeness Research*, 2009, vol. 5, no. 2, pp. 189–216.
22. Danilov S. Y. Aspects of frankness of the refusal based on personal principles (categorical refusal). *Speech Genres*, 2018, no. 4 (20), pp. 261–269. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2018-4-20-261-269>
23. Larina T. V. Emotive ecology and emotive politeness in English and Russian blind peer-review. *Journal of Psycholinguistics*, 2019, vol. 1, no. 39, pp. 38–57. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2019-39-1-38-57> (in Russ.).
24. Ionova S. V. Emotional effects of positive forms of communication. *Russian Journal of Linguistics*, 2015, no. 1, pp. 20–30 (in Russian).
25. Leontovich O. A. Positive communication: A theoretical perspective *Russian Journal of Linguistics*, 2015, no. 1, pp. 164–177 (in Russian).
26. Leontovich O. A., Gulyaeva M. A., Luneva O. V., Sokolov M. S. *Pozitivnaya kommunikatsiya* [Positive communication]. Moscow, Gnosis, 2020. 296 p. (in Russian).
27. Leech G. *The Pragmatics of Politeness*. Oxford, OUP, 2014. 368 p.
28. Leech G., Larina T. Politeness: West and East. *Russian Journal of Linguistics*, 2014, no. 4, pp. 9–34.
29. Martin J. R., White P. R. R. *The Language of Evaluation: Appraisal in English*. Palgrave, 2005. 278 p.
30. Larina T., Ponton D. M. Tact or frankness in English and Russian blind peer reviews. *Intercultural Pragmatics*, 2020, vol. 17, no. 4, pp. 471–496. <https://doi.org/10.1515/ip-2020-4004>
31. Larina T., Ponton D. M. I wanted to honour your journal, and you spat in my face: Emotive (im)politeness and face in the English and Russian blind peer review. *Journal of Politeness Research*, 2022, vol. 18, no. 1, pp. 201–226. <https://doi.org/10.1515/pr-2019-0035>

Поступила в редакцию 17.04.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 20.05.2025; опубликована 30.09.2025

The article was submitted 17.04.2025; approved after reviewing 20.05.2025; accepted for publication 20.05.2025; published 30.09.2025